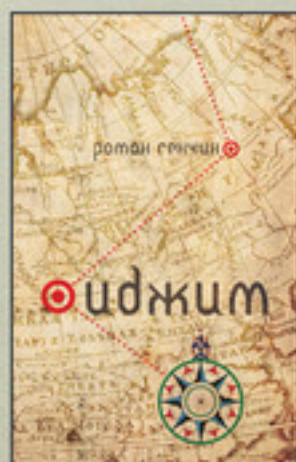


Роман Сенчин

Прогноз погоды



Часть сборника
Иджим (сборник)



Роман Сенчин

Прогноз погоды

«ЭКСМО»

1998

Сенчин Р. В.

Прогноз погоды / Р. В. Сенчин — «Эксмо», 1998

ISBN 978-5-699-41760-5

«Управившись с обычными утренними делами, Георгий Михайлович уходил в огород. Мало на что хватает времени и сил у жены... Жили последние годы Георгий Михайлович и его жена Ирина Павловна вдвоем. Оба сына осели в райцентре, обзавелись семьями, бывали на родине несколько раз в году. На Пасху приезжали, в конце мая, когда приходило время садить картошку, потом летом пару раз, тяпать, и осенью, на копку. Младшая дочь – Люда – здесь же, в Захолмово, но у нее тоже теперь своя семья, двое детишек, свое хозяйство. Конечно, старикам все тяжелее становилось, слабели силенки, однако уменьшать или упрощать посадки (вместо, например, прихотливых помидоров сеять морковь) они и не думали. Как когда-то закатывали пятьдесят банок соленых помидоров минимум, бочонок огурцов, так и старались не уменьшать...»

ISBN 978-5-699-41760-5

© Сенчин Р. В., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Роман Сенчин

Прогноз погоды

1

До восьми нужно успеть сделать многое. Во-первых, выпустить из загончика на пруд гусей, снять целлофан с огуречных парников, распаковать помидорную теплицу. После наскоро выпитой чашки крепкого чая Георгий Михайлович кормил кроликов, свиней, собаку, угощал кур-попрошаек горстью-другой распаренного комбикорма. Жена, подоив, отводила в стадо корову; телка привязывала на длинную веревку на лужайке за оградой. Принималась готовить завтрак.

Управившись с обычными утренними делами, Георгий Михайлович уходил в огород. Мало на что хватает времени и сил у жены. Помидоры опять обросли, хотя и пропасынквали их основательно пару недель назад; грядки с морковкой, луком в густых зарослях сорняка; огурцы полегли, – тесны им стали натянутые веревочки, усы, не находя новых зацепок, потянулись вниз.

Пока не позвала жена к столу, Балташов брал моток бечевки и подвязывал огурцы или приседал к грядке, полол. И забывал в эти минуты, что до осени остались дни, скоро все это отомрет, но не мог он видеть и терпеть непорядка... Поэтому, наверное, двор Балташовых один из первых в селе. Не видели здесь праздных дней, но зато и не знали нужды; с мая ели редиску и лук, продавали соседям никак не могущие уродиться у тех огурцы и помидоры, набивали в ноябре полон ледник мяса.

Жили последние годы Георгий Михайлович и его жена Ирина Павловна вдвоем. Оба сына осели в райцентре, обзавелись семьями, бывали на родине несколько раз в году. На Пасху приезжали, в конце мая, когда приходило время садить картошку, потом летом пару раз, тяпать, и осенью, на копку. Младшая дочь – Люда – здесь же, в Захолмово, но у нее тоже теперь своя семья, двое детишек, свое хозяйство. Конечно, старикам все тяжелее становилось, слабели силенки, однако уменьшать или упрощать посадки (вместо, например, прихотливых помидоров сеять морковь) они и не думали. Как когда-то закатывали пятьдесят банок соленых помидоров минимум, бочонок огурцов, так и старались не уменьшать.

– Его-р! – позвала от крыльца Ирина Павловна. – Давай завтракать. Слышь!

– Иду!

Балташов распутывал темно-зеленые мохнатые стволы морковной ботвы от скрутившего их мокреца; нашел и сам корень этого настырного сорняка, выдернул, бросил в проход между грядок. Встал с корточек, покряхтывая от колющей боли в пояснице, выгнулся, потянулся. Посмотрел на небо. Оно чистое-чистое, почти белое, словно бы его выжарило, обесцветило немилосердное солнце. Ни тучки нигде, ни легкого облачка.

Завтракали на кухне, открыв окно, дверь в сенки; тюлевые занавески еле приметно шевелились от слабого сквозняка. Докучливые августовские мухи лениво кружили над головой, садились на еду.

– Пойду на двор, дихлофосом напыскаю, – поминутно сгоняя их с хлеба, сала, говорила жена.

– Огурцы бы надо полить, уже сникнуть успели, – вздохнул Георгий Михайлович. – Мда, погода...

– Ну, ты мотор поставь, я полью.

– Угу...

Хлебали окрошку. От перекишшего, а потом намороженного в холодильнике кваса вязло во рту; теперь и жажда после него не так донимать будет.

– Ты, это, – заговорил Балташов, подставляя под половник жене пустую тарелку для добавки, – ты кроликам водички подлей. Особенно Ласковой и Беянке, они вот-вот разрешиться должны. Может, принесут штук хотя бы...

– Погоди! – Ирина Павловна вскочила, прибавила громкость приемника.

Знакомый голос ведущей краевого радио не спеша и без выражения сообщал: «...днем на юге края по-прежнему сухая и солнечная, плюс двадцать восемь – тридцать два градуса. Относительная влажность двадцать шесть процентов, давление семьсот восемьдесят миллиметров ртутного столба. Но к вечеру погода резко изменится, и причина тому – активный циклон, приближающийся с юго-запада...»

– Чего там, чего? – поздно оторвался от своих мыслей Георгий Михайлович.

– Да тише ты!

«...порывы до двадцати семи метров в секунду...»

– Бурю обещают, вот чего, – убитым голосом ответила жена.

– У нас?

– Ну, «на юге края» сказали... Циклон идет...

Ирина Павловна устало опустилась на стул. Балташов взглянул в окно.

– Мда, неспроста жарит так... неспроста...

– Обойдется, может.

– Может...

Георгий Михайлович без аппетита, быстро дохлебал окрошку, выпил залпом кружку остывшего чая. С минуту сидел, о чем-то размышлял. Потом поднялся.

– Надо идти.

Он надел поверх рубахи старый и линялый, стиранный пиджак, сунул в карман «Приму», спички, проверил, на месте ли блокнот и ручка. Натянул на голову иностранную кепочку с сеточкой вместо ткани и пластмассовым большим козырьком, которую жена в прошлом году купила в автолавке, польстясь на дешевизну.

– Если что, заскочу в течение дня. Ты тут посмотри, убери с ветра...

– А мотор-то, слышь, Егор!

– Ах, ну да.

Он вытащил из-под буфета обмотанную тряпкой «Каму» с торчащим, как хобот, куском шланга, пошел к пруду.

Огород Балташовых (большое удобство!) примыкает к самому пруду. Когда-то берег был заросшим камышами болотцем, но Георгий Михайлович с сыновьями затаскали болотце сначала гнилыми бревнышками, хворостом, опилками, навозом, а сверху – плодородной землей. Получилась просторная палестина под капусту.

Георгий Михайлович примотал «Каму» проволокой ко вбитому в дно колу, набрал в шланг воды, соединил с другим, ведущим в огород. Включил мотор. «Кама» завизжала сначала оглушительно и страдальчески, работая вхолостую, но вот визг ее осекся на мгновение и стал глуше и деловитее: по шлангу пошла вода.

– Тэк-с... – Балташов подождал немного, чтобы вода заполнила трубы поливной системы, затем выдернул вилку из прикрытой от дождя резиновым обрезком розетки. Приподнял шланг, подложил под него чурку, – теперь вода вся не сойдет.

– Готово, – сказал жене. – Будешь поливать, чурку убери.

– Ага, ага. Ну давай, с богом!

– И, это, если вдруг начнется что... снять-то сумеешь? А то волной захлестнет.

– Как-нибудь.

Георгий Михайлович помялся, махнул рукой:

– Ладно, я еще заскочу. – Глянул напоследок на огород, на подгнивший нижний брус у баньки, который с весны все собирался заменить, даже домкраты подготовил... – Пошел!

– С богом! – повторила Ирина Павловна.

По дороге почесал у ластившегося к ноге старого, полуседого Пирата за ухом, открыл калитку, вышел на улицу. Закурил. Теперь начинаются другие проблемы и заботы, о своих надо до вечера подзабыть.

2

Уборка шла вторую неделю. Начали не спеша, немного загодя, без гонки и особой надежды на высокие результаты. Люди давно привыкли работать кое-как, словно исполняли надоевшую повинность, придуманную лишь затем, чтобы их помучить, на что-то растратить их силы. Пахали, высевали, а теперь вот велели им убирать это ненужное зерно, и они принялись его убирать. Отдачи от своего труда мало в чем видели, да и то – разве что наполнить пшеницей лари у себя в кладовке на корм животине и на черный день, или удастся перемолоть, отвезти в город и продать там на рынке десятка два-три кулей муки. Те же центнеры, что везли с полей райцентровские грузовики, исчезали бесследно – шли на погашение каких-то огромных, неперебиваемых, вновь и вновь возникающих долгов; расчет происходил никому не понятными безналичками, обидным бартером: импортное мыло, пластиковые ведра, чулки, сгущенное молоко.

Георгий Михайлович Балташов – бывший председатель колхоза «Светлый путь», а ныне директор так называемого акционерного общества «Захолмье», человек пожилой, но еще не старый, хотя и руководит своим селом и хозяйством без малого двадцать лет. Во времена всеобщих перевыборов, перемен и отстранений его оставили председательствовать, так как другого человека не нашли, да и никто особенно не претендовал. В дореформенные годы Балташов вел дела неплохо, колхоз был не то чтобы образцовым, но и не в числе отстающих, и случалось – на стене за председателем креслом висело переходящее знамя. И теперь «Захолмье» в общем-то, по сравнению с другими многими хозяйствами, держится на плаву: есть еще кой-какая техника, правдами-неправдами добывается горючее, запчасти, строительный материал. Магазин, клуб, детсад, школа, почта функционируют, хотя каждый пустяк стал нынче трудно-разрешимой, почти катастрофической проблемой. Район мало чем, да если подумать – ничем не помогает, сам еле сводит концы, и Георгий Михайлович, более по привычке быть руководителем, хозяином, отцом и заступником для односельчан, бьется, мечется, заключает договоры, выискивает пути, как изловчиться, чтоб вовсе не захирело его Захолмово. Вот обвалился мост через речку Муранку, а для восстановления нужны по нынешним временам затраты баснословные. Райцентру же вроде бы все равно – есть этот мост или нет; пришлось Балташову стучаться во все двери, от дорожной мастерской до губернатора края. Восстановили кое-как. Или чтобы продукты для сельмага исправно возили, или об отмене решения сделать школу не средней, а девятилетней, и так далее.

Председательский «УАЗ» давно превратился в кучу ржавого лома; Балташов ездил в райцентр Тубинск на попутках хлопотать о том, чтобы его Захолмово и ближние деревеньки хоть как-то имели связь с внешним миром. Чего стоило только добиться у начальника автовокзала (а для этого пришлось обойти с десяток вышестоящих начальников, чтоб рейс «Тубинск – Захолмово» остался, а не был сокращен, как большинство других, связывающих город с окрестными селами. И вот теперь снова пять раз в неделю утром и вечером подкатывал к захолмовскому магазину пустой по большей части «пазик» и уезжал тоже пустым, зато жители чувствовали, что, если захотят (были бы на билет деньги), могут спокойно сесть в этот автобус и через сорок минут оказаться в Тубинске. То же моральное успокоение имели люди от прибытия продуктовых машин с консервами, печеньем, фруктами, сосисками в вакуумных упаковках...

Захолмово достаточно большое село, около тысячи жителей, но на первый взгляд почти необитаемое, оставленное людьми. Заборы и постройки гнилые и черные, полуразвалившиеся. Местная пилорама в порядке, да что толку? – у людей нет денег, чтоб заказать досок, бруса, а в долг уже не обслуживают, почти на всех долги огромные и безнадежные. У водонапорной башни силенок хватает поднять воду только себе, до колонок она уже не доходит, жители тас-

кают ее на коромыслах, возят во флягах, прикрепленных к тележкам; чтобы огород разбить – и думать нечего, картошку сажают да неприхотливый, живучий лук-батун. Счастливчик, у кого в ограде колодец вырыт... Клуб работает только в теплое время года, так как по халатности сторожей-истопников в позапрошлую зиму котел разморозился, трубы полопались, а отремонтировать, новый котел установить – нужны деньги, и деньги немалые. В конце концов Балташов сумму собрал, заказал котел, но что-то не везут его.

Идут деньги на самое необходимое: на оплату работникам (всё, кроме почты и участкового, – школа, детсад, фельдшерско-акушерский пункт, клуб – находится в составе самого акционерного общества, центральное руководство, вроде района, при просьбах о поддержке намекает, что не против и вовсе прикрыть ту же школу); на закупку горючего для техники, угля (при здешних морозах за минус сорок дровами не отопишься, не считая, конечно, старинных избушек, тесных, низких, из добротных листвяжных бревен). Да и вообще, с тех пор как стало Захолмово как бы отдельным мирком, появилась масса все новых и новых, ранее находившихся в ведении района, края, забот, требующих к себе внимания и выкачивающих все имеющиеся финансы. А добывались деньги любыми путями, вплоть до просто смехотворных. В приемный пункт, например (Георгий Михайлович добился, чтобы он продолжал существовать и принимать от акционерного общества различную продукцию, и именно от общества, а не от частных лиц, так как при этом все же в казну «Захолмья» капали какие-то крохи-проценты), сдавали соленые грибы, бруснику, шкуры, мед, сушеный тысячелистник и еще много чего, но по ничтожной, конечно, цене. Была при обществе пасека на сто ульев, многогектарное поле капусты; ими торговали в городе на рынке. Картошку продавали бизнесменам, отправляющим ее на Север – в Норильск и Дудинку, и это приносило довольно солидные деньги, этим в основном и жили захолмовцы с осени до осени.

Но все же центральным считалось хлебобороство, и вот оно-то многие годы, если и не приносило прямых убытков, но и не давало ощутимой прибыли. Хотя земля добрая, жирная, а всегда в самый неподходящий момент находились причины, портящие всё, сводящие труд людей на нет...

Было время, колхоз «Светлый путь» объединял четыре населенных пункта: само Захолмово, немного меньшее по числу жителей Листвягово и маленькие, дворов по двадцать пять – тридцать, деревеньки Бугутар и Сухое Озеро.

Листвягово (это километров в двадцати от Захолмова) лет восемь назад откололось от колхоза, почти половина семей, разделив листвяговские поля, занялась фермерством, другие же промышляли от близкой тайги или упирались на своих подворьях. Фермеры вскоре прогорели все до одного, поля стали дичать, заросли полынью, по ним бродили, уныло позвякивая колокольцами, коровы, топтались отары овец... Сухое Озеро крепко держалось колхозного центра, благо и расположено близко, в семи километрах, а вот деревушка Бугутар совсем вымерла, население перебралось в Захолмово и другие села, перевезло свои срубы, и теперь от Бугутара только и осталось, что несколько ветхих домишек, полуповаленные прясла, замшелые сараюшки; доживают в Бугутаре четыре старухи и два старика, раз в месяц приходят они в Захолмово, получают на почте пенсию, уносят в мешках кой-какие продукты.

Население Захолмова больше чем наполовину состоит из людей пожилых, пенсионеров и инвалидов. Молодежи мало. Многие после школы и армии отправляются, как и прошлые поколения, искать места в городах, некоторые, помотавшись, возвращаются. Парни часто попадают на отсидку, гибнут в драках, по пьянке. Зимой село вообще кажется безлюдным, все прячутся в избах, живут как кроты в норах. Злой ветер гоняет по улицам сухой колючий снег, трещат от мороза сосны. Зато летом здесь благодать. Съезжаются родные, дачники, туристы, много становится подростков, ребяташек. В клубе тогда каждый вечер устраивают танцы на полночи, а потом до зари слышатся песни, которые горланит, гуляя по селу, молодежь. На берегу пруда в летние дни настоящий Крым – песчаный пляжик весь усыпан загорающими... Эта веселая

отпускная жизнь мало распространяется на местных. У них свои ежедневные хлопоты, трудности, мысли о не сулящем ничего особо хорошего будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.